

Библиотекари о Кодексе этики российского библиотекаря

Широко обсуждаемый сегодня проект новой редакции Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря привлёк внимание и московских библиотекарей, обучающихся на Высших библиотечных курсах РГБ. Слушатели в целом высоко оценили проект и высказали конструктивные замечания.

Вскоре после того как был опубликован проект новой редакции Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря (Науч. и техн. б-ки. – 2010. – № 10. – С. 30–34), слушателям Высших библиотечных курсов РГБ было предложено письменно высказать своё отношение к этому документу, исходя из того, что он адресован лично им, каждому персонально. Тут надо оговориться, что контингент слушателей курсов – это в массе своей люди зрелые, с достаточным жизненным опытом, с высшим (небиблиотечным) образованием и со стажем библиотечной работы.

Представим социально-демографический портрет опрошенной группы более детально.

Среди слушателей преобладают лица с гуманитарным образованием: историк, специалист по техническому предпринимательству, эколог, психолог, социальный работник, искусствовед, палеонтолог, юрист, журналист, библиотекарь-библиограф, преподаватель (иностранный язык, физики и математики, русского языка и литературы). Представлены и технические специальности: металлург, инженеры (химического машиностроения, электронной техники, художественной обработки материалов), механики.

Пятеро слушателей имеют трудовой стаж от 15 до 30 лет, семеро – от 5 до 15 лет, ещё семеро – от 1 года до 5 лет, трое – до 1 года. Библиотечный стаж у троих – от 10 до 34 лет, у пятерых – от 3 до 7 лет, у 12 – от 1 года до 3 лет, у двоих – до 1 года.

Слушатели работают в библиотеках разного типа и вида: в ЦБС Москвы, в том числе в детской библиотеке; в библиотеках Государственного Дарвиновского музея, Российского государственного социального университета, Академии труда и социальных отношений, Московского технологического колледжа, в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева», Государственной публичной исторической библиотеке России, ЦНСХБ. Большую долю составляют сотрудники РГБ: отделов комплектования, справочно-библиографического, редакционно-издательского, военной литературы и ряда др.

Контингент слушателей, конечно, далеко нерепрезентативен для всего массива российских библиотек, но его мнения для отображения общей картины мнений профессионалов представляют все же несомненный интерес.

Библиотекарям было предложено совершенно чистосердечно – чему способствовала анонимность работы – высказаться: готовы ли они следовать пунктам Кодекса без внешнего принуждения и показного профессионализма, а исключительно по велению собственного сердца? В случае несогласия с каким-либо пунктом проекта Кодекса желательно было высказать причину. Однако можно оставить свои доводы и при себе и вообще не участвовать в обсуждении. В обсуждении приняла участие почти вся группа – 22 человека из 26.

Общий вывод: абсолютное большинство позиций нового варианта Кодекса принимается безоговорочно! Многие годы обсуждения предыдущего Кодекса ни разу не давали хотя бы близкого результата: мнения были очень разные, вплоть до полярных; мало кто был готов считать прежний Кодекс «своим», сколько-нибудь работоспособным.

Рассматривая новую редакцию Кодекса, библиотекари приняли и его общую концепцию – рекомендательный характер (лишь один человек, т.е. 4,5% генеральной совокупности опрошенных, считает, что Кодекс должен являться чем-то вроде клятвы Гиппократова для врачей, быть обязательным и

предусматривать дисциплинарную ответственность за его нарушение), и акцент на то, что его выполнение – дело прежде всего совести каждого библиотекаря, а не принудительная обязанность, и его деление на четыре части, что с достаточной степенью дифференцирует моральные обязательства библиотекаря по отношению к разным слоям социума, и полноту раскрытия каждой части, и лаконизм и чёткость начальных и заключительной частей текста.

Библиотекари обнаружили или, по крайней мере, продекларировали наибольшую готовность следовать изложенным максимам Кодекса (по мере убывания):

защищать право пользователя на конфиденциальность сведений о его информационной деятельности, руководствуясь при этом чувством социальной ответственности;

стремиться заслужить свою репутацию профессионализмом, честным трудом и моральными качествами, не прибегать к нечестным приёмам соперничества и к карьеризму;

не совершать поступков, наносящих ущерб престижу библиотечной профессии, заботиться о её высоком общественном признании;

стремиться к профессиональному развитию и повышению профессиональной квалификации, культурному самообразованию как неотъемлемым условиям выполнения своей социальной миссии и профессионального долга;

способствовать профессиональному становлению молодых кадров, вдохновлять их своим примером отношения к работе;

проявлять доброжелательность, уважение и честность в отношениях с коллегами;

участвовать в формировании корпоративной культуры коллектива и следовать ей в целях эффективной совместной работы, взаимного уважения и товарищеской взаимопомощи.

Остальные пункты, за вычетом нескольких, о которых речь впереди, принимаются на, так сказать, среднепозитивном уровне.

К проекту Кодекса у библиотекарей-практиков имеются и замечания. Пройдёмся по ним последовательно – из соображения, что ещё есть время продумать их и, возможно, отредактировать. Большинство замечаний относятся всего лишь к нескольким позициям.

При том, что слушатели курсов Кодекс поддерживают и почти все его позиции принимают, одна из ответивших считает, что нужен Кодекс не библиотекаря, а Кодекс писателя, ибо, пользуясь государственным запретом цензуры, именно он – писатель – в ряде случаев позволяет себе, например, употреблять в произведениях ненормативную лексику, безосновательно порочить классиков и вообще вести читателей к деградации личности.

Замечания по Преамбуле сводятся к тому, что она полностью повторяет концовку Кодекса. Предлагают, во избежание текстуального повторения, представить концовку в редакции «Знание и соблюдение Кодекса является личным делом каждого российского библиотекаря». (На мой взгляд, эта норма должна относиться только к соблюдению Кодекса, а знать его обязан каждый вступающий на библиотечарскую стезю.)

По разделу «*Российский библиотекарь*»:

первый пункт («...исходит в своей деятельности из убеждения, что библиотека является необходимым и *важнейшим* институтом современного общества») слово «важнейшим» следует заменить на более скромное: «важным», «значимым»;

второй пункт («... участвует в распространении знаний и информации как основы для модернизации и процветания России»), по мнению 18% опрошенных, звучит излишне пафосно.

В меньшей мере, но такое же, по сути, замечание относится и к третьему пункту – о том, что российский библиотекарь способствует общественному развитию, социальной стабильности и справедливости,

руководствуется чувством социальной ответственности. Некоторым библиотекарям это выражение представляется слишком общим, не вполне конкретным, в нём они не усматривают даже того, что эта декларация относится только к России. Я же полагаю, что этот пункт в этом разделе остаться должен, поскольку библиотекарь должен иметь некий идеальный общественный ориентир своей профессиональной деятельности. Редакционно тут, пожалуй стоит постараться уйти от двойного использования в одной фразе слова «социальной», из-за чего, возможно, и утяжеляется восприятие.

Слушатели предлагают сблизить или даже объединить пункты из этого и следующего разделов: «...способствует сохранению, развитию и распространению культурного достояния России (но тут хорошо бы отразить, что оно имеет и зарубежные корни), всего многообразия национальных культур и языков народов своей страны» и «...способствует межкультурному диалогу этнических, языковых и культурных групп, представленных в обществе».

В последней норме («<...> в своей профессиональной деятельности стремится к удовлетворению информационных, образовательных, культурных и досуговых потребностей общества и отдельной личности») исключить слова «и досуговых», поскольку они рассматриваются как часть культурных потребностей. (У меня на этот счёт суждение более радикальное: противопоставление информационных потребностей всем остальным из названных в этом пункте нелогично. Все эти потребности предстают перед библиотекарем как информационные, только каждая – со своей спецификой. Кроме того, в этом перечне отсутствует неисчислимый перечень иных потребностей. Почему не указаны, например, производственные потребности? Информационным противостоят только внеинформационные потребности и то с известной степенью оговорки – например, эмоциональные, духовные, психологические, коммуникативные – их библиотека тоже призвана удовлетворять. Вот и оставить бы здесь указание только на информационные и духовные потребности.)

Наименование раздела «*В отношениях с обществом библиотекарь...*» предлагают скорректировать в том смысле, что речь здесь должна идти не об обществе (предметы следующих разделов – пользователи и коллеги – тоже часть общества), а об органах власти.

Слушатели курсов обратили внимание на близость – по существу – второго и третьего пунктов. Упоминание о законах здесь многим представляется излишним, необходимость их соблюдать подразумевается сама собой. Каждый пятый слушатель вообще предлагает исключить эти нормы из Кодекса как без нужды дублирующие законодательные постулаты. В Кодексе должно оставаться лишь то, что диктует библиотекарю собственная совесть, что осталось за рамками законов или что невозможно узаконить формально. Против этой нормы (или против её стилистического выражения? – это из ответов не всегда понятно) высказалось большинство опрошенных.

Такое же (численно) неприятие вызвала и статья «<...> не допускает рекомендации антинаучных, недостоверных, заведомо ложных материалов, сознаёт опасность и вред, который они могут нанести личности и обществу». Возражение вызывают несколько моментов:

во-первых, зачем библиотекарю иметь в фонде такие материалы (тут опять напрашивается высказанный мною ранее упрёк составителям, что они ориентируют Кодекс только на тех библиотекарей, которые заняты обслуживанием читателей, но есть ведь в библиотеках ещё комплектаторы, обработчики, методисты, учёные и т.д.);

во-вторых, библиотекарь далеко не всегда в состоянии разобраться в степени научности, достоверности, заведомой ложности информации, да и не всегда, не во всех библиотеках и не на всех должностях это входит в его обязанности;

в-третьих, библиотекарь не всегда может знать, с какой целью читатель обращается к антинаучным, недостоверным и заведомо ложным материалам, особенно в научных и специальных библиотеках, поэтому отказ в их выдаче идёт вразрез с социальным назначением такой библиотеки, служит проявлением непрофессионализма библиотекаря. Вместе с тем для библиотек, обслуживающих детей, рассматриваемый пункт чрезвычайно актуален. Отсюда, в частности, и следует многократно отмечаемая мной необходимость либо дифференцировать Кодекс применительно к библиотекам разных типов, либо предусмотреть возможность существования отдельных кодексов для разнотипных библиотек;

в-четвёртых, понятие научности или ненаучности неприменимо к целым пластам сосредоточенных в библиотеках документов – к Библии, например, или к художественной литературе. Словом, над этим пунктом разработчикам придётся ещё очень основательно поработать.

Норма «<...>способствует формированию критического отношения к информации с позиции её достоверности и полезности» вызвала наибольшее неприятие у респондентов. По зову души, по велению сердца придерживаться её готовы только 36% респондентов. Остальные либо не знают, как этого добиваться, либо не уверены, что это входит в полномочия библиотекаря или даже считают такую деятельность недопустимой для библиотекаря, либо усматривают здесь неправомерное культивирование нигилизма в читательской среде, либо не представляют для себя эту роль, поскольку работают, например, в отделе фондохраниения.

На мой субъективный взгляд, эта норма может распространяться, во-первых, лишь на тех библиотекарей, кто непосредственно обслуживает читателей; во-вторых, в чистом виде она приемлема в лучшем случае только для библиотек, обслуживающих детей и подростков. Короче говоря, правильнее всего было бы такую норму из этого документа попросту убрать.

Остальные замечания касаются избыточной, с точки зрения аналитиков, категоричности норм, а также редакционных уточнений.

Раздел «*В отношениях с пользователем библиотекарь...*» предлагается начать пунктом о способствовании библиотекарем социализации личности, формированию гражданского сознания. Отдельные респонденты затруднились согласиться с этой нормой или отвергнуть её – либо из-за недостатка собственного профессионализма, либо из-за невозможности выполнять это требование на своём участке работы.

Норму «<...>обеспечивает высокое качество предоставляемых библиотечных услуг» предлагают снабдить оговоркой: «по возможности материальной базы библиотеки». Двое поостереглись согласиться с обязанностью библиотекаря способствовать развитию информационных и культурных потребностей (а где же названные выше образовательные и досуговые? – Ю. С.) пользователя. В одном случае – по убеждению, что пользователь «сам знает свои потребности» (кто знает, а кто и не знает. – Ю. С.), в другом – потому, что не знает, как это можно сделать. Тут видится задача для педагогов, призванных разъяснить библиотекарям их возможности в данном отношении. Иное дело – как это может осуществить специалист, скажем, по библиографическому описанию или индексированию документов.

Отдельные библиотекари сомневаются в острой необходимости нормы о предоставлении пользователю информации «в удобном для него формате, разумно применяя современные технологии». Выполнить эту норму в состоянии лишь те, у кого эти технологии в наличии. Поэтому если эту норму оставить, то в более мягкой формулировке: «по мере возможности», «стремясь» и т.п. Избыточно здесь слово «разумно».

Есть пожелания по совершенствованию и раздела «*В отношении с коллегами библиотекарь<...>*».

Пункт о соблюдении библиотекарем принципа конфиденциальности личной информации представляется маловразумительным: о чьей – своей или своих коллег – информации идёт речь? О личной информации – какого рода?

Предпоследний и последний пункт предложено соединить и сократить, обобщив: библиотекарь стремится избегать любой личной выгоды за счёт пользователей и коллег.

В разделе «*По отношению к своей профессии библиотекарь<...>*» видится повтор с только что рассмотренным пунктом из предыдущего раздела.

Библиотекари высказывают мнение, что было бы замечательно, если бы нормы Кодекса выполняла хотя бы половина библиотекарей или если бы выполнялась хотя бы половина кодексных норм.

Как видим, слушатели отнеслись к проекту новой редакции Кодекса вдумчиво, ответственно, критично. Хочется надеяться, что разработчики примут во внимание высказанные ими критические суждения, что послужит большей чёткости текста документа перед его принятием.